

Владимир ШНЮКОВ

г. Костомукша, Карелия

ПРИЮТ отверженных

— Только-то...

— сказала разочарованная Дэзи.

— Я ожидала большего.

— Она встала, её лицо загорелось.

— Я ожидала, что в письме будет признано право
и счастье моего мужа видеть всё, что он хочет
и видит, — там, где хочет.

И должно ещё было быть:

«Вы правы, потому что это сказали вы,
Томас Гарвей, который не лжёт».

Александр Грин. «Бегущая по волнам»

Посёлок, о котором по всему краю ходили легенды: то жуткие, то красочно-смешливые; в котором бесследно исчезали люди, а нечистой силы проживало больше, чем в повестях Гоголя, — посёлок этот встретил меня стрёкотом кузнечиков, которые лишь одни нарушали тишину ясного летнего дня. Ухоженные дома и чистота деревянных тротуаров как-то не очень вязались с дремучими бывальщинами окрестных жителей, подвигнувших меня своими рассказами бросить отпускные занятия и добираться в Кириллов Берег, невзирая на настойчивые предупреждения Клавдии, моей тётки по матери, у которой я наконец-то собрался погостить, что «оттуда запросто и не вернуться можно». Но любопытство моё разожжено было до предела и требовало всё увидеть своими глазами.

Лесная дорога, приведшая меня в посёлок, раздваивалась недалеко от аккуратного двухэтажного дома, привлёкшего внимание не толь-

ко резными наличниками и просторным балконом по фасаду второго этажа, но и по-особенному естественным положением на местности, когда дом видится выросшим вместе с окружающими его деревьями, а не построенным человеческими руками. Основная дорога, надо было полагать, направлялась в центр посёлка, а отворотка узкой лентой петляла по берегу реки мимо нескольких домов, то пропадая, то появляясь опять, и вдали поднималась на покатый, почти безлесый холм, на вершине которого стояло странное сооружение, издали напоминавшее остов башни причудливой формы.

Путь порядком утомил меня, так как пришлось километров двадцать пройти пешком: попутка пригодилась лишь до Кухляниц, небольшого лесопункта вниз по Соне от Кириллова Берега. Говорили, что есть кирилловобережский автобус до райцентра, но как он ходит — толком никто не знал, так что пришлось добираться на авось. Говорили также, что вскоре до «Чудинова» (так ещё

прозывали Кириллов Берег в народе) будет легко доехать, так как недалеко от него пройдёт шоссе на Вологду. Но дорога эта была ещё не построенная, и пока приходилось, добираясь в кириллово-бережскую глухомань, полагаться на случай да на крепкие ноги. Случай мне не помог, от Кухляниц, где я заночевал, шагал по лесной дороге до самой цели в напрасной надежде на попутный транспорт. И потому первая мысль была об отдыхе, хотя волнение от встречи с легендарным посёлком и придавало дополнительные силы. Поколебавшись немного, я направился к дому около развилки. Стучаться в дверь не пришлось, так как рядом с крыльцом, за кустом смородины, увидел молодую женщину, поливавшую цветы.

— Добрый день, хозяйюшка... Извините, что от дела отрываю — где бы мне здесь на постой дня на два определиться?

— День-то добрый, — она выпрямилась, обнаружив открытое, живое лицо и упругий стан, — а ещё на добром слове спасибо. — И чуть прищурилась на меня полувнимательно, полуозорно. — На постой, говорите? Так это можно. Мить, выйди на минуточку! — крикнула она в дом.

На крыльцо вышел среднего роста худощавый мужчина в ситцевой рубашке, старых джинсах, босой. На вид ему было лет около пятидесяти, но глубокие морщины на смуглом лице, усиленные двумя короткими шрамами, и обильная седина в густых тёмно-русых волосах скрадывались гибкостью тела и живым блеском глаз. Он поздоровался, вопросительно посмотрел на женщину.

— Митя, человек на постой просится, дня на два.

— Так пусть проходит да и устраивается, — лицо Дмитрия засветилось широкой, совершенно благодушной улыбкой, — чего человека-то у ворот держишь, а, мать?

Несколько обескураженный столь скорым решением своего вопроса, я начал сбивчиво отговариваться:

— Да мне бы, собственно... Знаете, не хотелось бы стеснять. Я думал, может что-нибудь вроде гостиницы в посёлке есть...

— Ну, лет через десять, может быть, будет, — Дмитрий снова улыбнулся. — А пока вроде как надобности нет — туристами не избалованы. — И, посмотрев внимательно на меня, добавил: — Вы, пожалуй, первым будете за всю нашу историю. Так что проходите... как вас звать-величать?

Мне ничего не оставалось, как представиться и воспользоваться приглашением. Вошли в дом. Прямо из коридора я поднялся за хозяйкой на второй этаж и был определён в небольшую комнату, в раскрытое окно которой протягивала руки-ветви раскидистая черёмуха. В комнате стоял старый диван, такой же старый стол, два стула и небольшой шкаф, на котором пылился кассетный магнитофон, видимо, неисправный.

— Лена! — крикнула вниз хозяйка, — поднимись ко мне.

На лестнице тут же послышался звук бойких шагов.

— Что, мама? — в дверь комнаты просунулась русоволосая симпатичная головка девочки лет двенадцати. Живые чёрные глаза с любопытством уцепились за меня. Мать отдала ей необходимые распоряжения относительно моего устройства, и лёгкие каблучки стремительно застучали вниз по лестнице.

— Ну вот, Лена вам постелит, покажет, где ванная, туалет. Располагайтесь. А я пойду чай ставить. — И, предупреждая мой вопрос: — Меня зовут Татьяной, мужа, слышали уже, Дмитрием, дочку Лену видели, внизу ещё Егорка бегаёт. Запомнили? — И, засмеявшись, добавила: — Денег за постой не надо.

Шаги её на лестнице были почти столь же лёгки, как и у дочери.

Я подошёл к окну. Сквозь ветви черёмухи была видна река и тот холм со странным сооружением на вершине. Пришла Лена с охапкой постельных принадлежностей. Её стройная фигурка замелькала по комнате, и через минуту диван мой был ухожен для проживания.

— Спасибо, Лена, — поблагодарил я девочку и хотел спросить её о непонятном сооружении на холме, но не успел: прямо над головой раздался странный, ни на что не похожий свист, а затем лёгкое подвыванье. Я замер и вопросительно посмотрел на Лену.

— Харитюшка, баловник, перестань, не мешай гостю! — звонко крикнула она в потолок.

Вой сразу оборвался.

— Что это? — я был в совершенном замешательстве.

— Да домовый наш, на чердаке живёт, — просто ответила Лена. — Обиделся, поди, что диван заняли — он тут иногда спит.

Я ошарашенно присел: «Начинается...»

— Так это... хм, почему же Харитоша? Может, Харитон? Харитон Иванович, например... — пробормотал я первое, что пришло в голову.

— Не, Харитошка. Он у нас молодой ещё, озорник. Да вы не пугайтесь, он вас больше не потревожит. Он меня слушается, — в голосе хозяйшки явственно прозвучала важность. Ещё раз поправив подушки, которых притащила аж три, она объяснила, что где найти в доме, и, сверкнув по мне смешливыми, в пол-лица, глазами, ушла.

Я только успел умыться, как позвали к столу. Стол был накрыт в той комнате на втором этаже, что имела выход на балкон — просторной, светлой. Убранство её было столь же просто, сколь и неожиданно. Не было ни обоев, ни побелки, ни паркета, ни ковров. Стены, пол, потолок — всё было обшито светлой плитой, расписанной красками так, что каждая стена, а также и пол, и потолок представляли из себя отдельное полотно. Справа от входа, на самой большой по площади рисунка стене и самой яркой по оформлению, изображён был, похоже, всемирный шабаш нечистой силы: ведьмы, черти, водяные, ещё невесть кто — и всё это блестело, плясало, смеялось, корчило рожи под могучим деревом, в свете огромного костра, над которым была подвешена сковорода, столь большая, что на ней уместился городской квартал со всеми его домами, машинами, магазинами, суетой прохожих. Часть левой стены закрывал камин, расписана она была менее ярко, но не менее запоминающе: по пустынному серому холму поднималась пустынная серебристая дорога, поднималась прямо в пугающую и манящую бескрайность звёздного океана. С потолка струился свет — там было ясное, блестящее голубизной небо, часть которого закрывал лебедь, легко парящий в этом радостном свете. По полу же был изображён, ни много ни мало, Змей Горыныч, покорно сложивший свои головы к порогу. И надо сказать, что вся роспись была выполнена с незаурядным мастерством.

— Всё Таня моя старалась, — отвлёк меня голос Дмитрия. Он стоял у стола, одетый так же, как и при встрече, и разливал что-то, похожее на красное вино, по бокалам из пузатой бутылки. Пришла Татьяна, принесла еще закуски, хотя стол и так уже был плотно уставлен.

Я выразил хозяйке своё восхищение росписью комнаты. Она не ответила, лишь улыб-

нулась, и я бы не сказал, что польщённо — скорее, это была улыбка знающего себе цену человека. По лицу же Дмитрия было видно, что он искренне рад похвале.

— Это что, художества, — довольно произнёс он, — вот по закускам Таня ещё большая мастерица, сейчас убедитесь. — И неожиданно спросил: — Давно из Питера?

— Да недели три будет, — ответил я и осекся: откуда ему известно, что я из Питера?

— Ладно, давайте-ка выпьем, — сказал Дмитрий, видимо, заметив моё замешательство.

— Вот уж действительно — давайте-ка, а то корчим гостя разговорами, — поддержала Татьяна.

Выпивка оказалась приятной на вкус, хотя, пожалуй, была крепче водки.

— Кирилловобережский коньяк, бабка Поладья по своему рецепту делает, — пояснил Дмитрий, закусывая.

Потом хозяева поинтересовались, как я добрался до посёлка. Сошлись на том, что мне, пожалуй, не повезло с таким длинным переходом. Но ни о цели моего появления в посёлке, ни о том, кто я таков, чем занимаюсь — вопросов задано не было.

— А что у вас за сооружение на холме? — осторожно приступил я к расспросам о посёлке.

— Памятник основателю Кириллова Берега, — просто ответил Дмитрий. — Но на пальцах объяснить не буду — пройдёте, посмотрите. Тут история длинная, если интересно будет — расскажем.

Разговор оборвал Егорка, малыш лет трёх, попав мячом в салатницу.

— Ага, вот Егор Дмитриевич говорит батьке — пора, — засмеялся Дмитрий, вставая. — Оставляю гостя хозяйке — пусть развлекает. Пойду в свою кузню — заказ есть. Не то чтобы срочный, но все же...

— Митя кузнецом работает, — пояснила Татьяна, подливая мне из бутылки.

Дмитрий ушёл. У меня было желание подробней расспросить хозяйку о поселковой жизни, но в то же время не покидало ощущение, что расспросы эти почему-то неуместны и вряд ли будут благожелательно приняты. Поэтому беседа сбилась на темы совершенно банальные: погоду и политику. Про политику лишь вскользь, так как, когда я упомянул фамилию премьер-министра страны, Татьяна спросила: «А это кто такой?» Узнав, что речь

идёт о главе правительства, смущённо отмахнулась: «Бог их знает, я их всё время путаю».

Егорка запросился спать, мне тоже было предложено отдохнуть. И хотя состояние моё было возбуждённым, всё же усталость дала знать — я решил с полчасика вздремнуть, а затем уже идти осматривать посёлок. И лишь прилёт, как тут же заснул — глубоко, без снов.

Проснулся разом, как от толчка, с ясной головой и точным ощущением местонахождения. И была полная уверенность, что в комнате только что кто-то был, кожа ощутила движение воздуха от прикрываемой двери. Но ни скрипа, ни звука шагов я не услышал. Вспомнив о Харитошке, я некоторое время ещё полежал недвижимо — не объявится ли? Не появился. Да и во всём доме не было слышно не то что звука — даже шороха. Посмотрел на часы. Полчаса, на которые я себя настраивал, конечно, давно минули.

В полной тишине спустился вниз. Со стороны улицы входная дверь на крыльцо была слегка приставлена наметельником, значит, в доме никого. Я вышел на улицу и направился вдоль реки по той дороге, что тянулась к подножию холма, превращаясь там в тропу, которая и вела к странному сооружению, названному Дмитрием памятником основателю посёлка.

Да, столь странного памятника видеть мне ещё не доводилось. Любопытство моё было не столько удовлетворено, сколько распалено ещё более, когда я рассмотрел памятник во всей его неожиданности. Сделан он был целиком из брёвен различного размера и представлял из себя огромного журавля со сломанным крылом, из последних сил рванувшегося в небо. Сломанное крыло и одна вытянутая нога птицы касались земли, они и были опорами для всего сооружения. Поражало не столько искусство, с каким автор этой необычной скульптуры передал очертания птицы из столь громоздкого материала, но более — как скульптору удалось передать отчаянное напряжение, боль и ярость предсмертного порыва. Потрясённый, я долго не мог успокоиться, рассматривая памятник со всех сторон, успокоившись же, огляделся.

Дивная картина, составленная из сочетания тихой реки, соснового леса, к горизонту тянувшегося синего озера и просторного зелёного луга, дополненного широким, ярко отсвечивающим желтоватой белизной песчаным речным

берегом, предстала глазу. Озеро было тут же, за холмом, здесь река брала из него начало. Противоположный берег реки возвышался сосновым бором, холм же, опускаясь к реке, переходил в луг — скошенный, насколько хватало взгляда. Озеро на картах было отмечено как Лиственное, река звалась Соней.

Пробыл я на холме, наверное, больше часа, и когда спускался, то сочное августовское солнце уже прицеливалось — как бы ему поудобнее сесть в чашу заозёрного леса. Я решил все же пройти по посёлку, который перед тем хорошо рассмотрел с холма, благо наблюдательный пункт был очень удачный. Хотя надо сказать, что Кириллов Берег раскинулся широко и весь не был виден даже с вершины холма. В поле зрения было домов двести, а часть посёлка, судя по всему, скрывалась за ещё одним холмом, менее высоким и более лесистым, который расположился километрах в четырёх-пяти от первого в излучине реки. Видимо, здешних жителей не ограничивали в выборе места — дома стояли далеко друг от друга и совершенно неупорядоченно. Впрочем, можно было предположить, что странный памятник был виден из любого места в посёлке. Я направился к нескольким домам, стоявшим на берегу то ли большого пруда, то ли небольшого озера, отдельного от Лиственного, — именно туда вела одна из тропинок, спускавшихся с холма. Но не дошёл, отвлечённый от цели неожиданно появившимся перед глазами продолговатым кирпичным зданием, прежде спрятанным от меня зарослями ивы. Характерное постукивание внутри выдавало кузницу, где, видимо, и работал Дмитрий. На правах уже хорошего знакомого я смело шагнул в раскрытую дверь.

— Заходи, заходи, — улыбнулся мне навстречу Дмитрий, — посмотришь мой второй дом. — Он был один в кузнице.

— А не помешаю?

— Нет, я как раз уже заканчиваю, присаживайся пока.

Дмитрий выключил небольшой пневматический молот, стук которого я слышал с улицы, отключил вентиляцию, стал собирать инструменты. Я осмотрелся.

По правде сказать, здание это внутри мало напоминало сельскую кузницу в привычном представлении. Бросалась в глаза чистота: гладкий цементный пол до блеска выметен, стены

оштукатурены и побелены, ровное освещение не утомляло и не напрягало глаза. Нигде ничего не валялось: инструмент, заготовки — всё было аккуратно разложено по полкам. В дальнем от входа углу стоял стол, на нём включённый телевизор. Рядом два старых кресла, в одно из которых мне было предложено сесть, и просторный шкаф для одежды.

— Ты, Дмитрий, один, что ли, владеешь этим заводом? — я и не заметил, как перешёл на «ты» — так действовала ненавязчивая простота общения Дмитрия и его жены.

— Нет, нас двое. Второй отдыхает — отправился с сыном на Камчатку.

— Ого! И зачем туда?

— Посмотреть. Интересно же: гейзеры, океан... По пути Байкал посмотрят — они же на машине.

— Да это когда же они сюда, в Европу, вернутся?

— Да пусть и не торопятся, раз собрались в такой круиз. Мы вдвоём-то и не работаем, считай. Он появится — я куда-нибудь пропаду. Давай-ка прохладительного глотнём, — Дмитрий, умывшись уже и сменив рабочую рубашку, достал из настенного шкафчика над столом бидончик и две кружки.

— Не от Полады? — улыбнулся я.

— Нет, — засмеялся Дмитрий, — от Аграфены, она у нас по пиву спец.

Хватило двух глотков, чтобы определить, что у Полады в лице Аграфены есть серьёзный конкурент в Кирилловом Береге.

— На холме были? — спросил Дмитрий, закуривая.

— Да. И признаюсь — отродясь подобных сооружений не видел. И кто автор?

— Иван Нелюдимов. Да вот он, — Дмитрий показал на небольшую старую фотографию в рамке, висевшую на стене, на которой был изображён мужчина лет сорока с открытым серьёзным лицом и смеющимися глазами.

— И давно воздвигли?

— Да полста лет назад, — ответил Дмитрий. И добавил, помолчав: — На холме этом, по преданию, человека убили — того, кто первым в нашем краю поселился. Кириллом звали. Ему памятник. И название поселению от него пошло.

На излете ясного августовского дня 1819 года

капитан Николай Федорович Синявин медленно поднимался к вершине покатога травянистого холма, вставшего как раз в том месте, где просторная и богатая песчаными отмелями, особенно по этому времени года, Соня берет начало из Лиственного — большого глубокого озера, примечательного обилием рыбы и многочисленными островами самой различной формы и величины. Николай Федорович дважды уже останавливался передохнуть — раскрылась рана, полученная под Смоленском, да и старая, еще альпийская, дала о себе знать.

Но сильнее вражеских отметин мучила старого солдата рана душевная: два дня назад умер человек, ставший ему как сын — молодой офицер Петр Анисимов, ученик его и верный товарищ, сам напросившийся, на свою беду, к Николаю Федоровичу в эту неблагодарную экспедицию по набору работников для государевых дел. Занятие и впрямь незавидное: сбивать в табун как на подбор хмурых, неразговорчивых мужиков и разъяснять им государеву волю, которая для дикого здешнего народа была, судя по всему, хуже плетки. Но служба есть служба, и царев указ — от двух хозяйств по душе — Николай Федорович выполнял неукоснительно, хотя предпочел бы такой службе хорошую перестрелку. Одно утешение было — разговоры с Петром. Тот, не по годам серьезный, порой до глубокой ночи все расспрашивал: об армии нашей и иноземной, о государе и полководцах, старых и нынешних. И когда видел Николай Федорович огонь в смысленных молодых глазах, то смягчал закаменевшей в тридцатилетней службе душой: «Хороший офицер растет — умен, удалю взял и честью не поступится». И вроде за два года их знакомства столько пересказано, а все новое для разговора находилось. Лестно было сердцу старого служаки, и в былые годы, и в нынешние не обремененному вниманием генералов, что молодой офицер тянется к нему. А для сироты Петра Анисимова Николай Федорович стал и отцом, и примером, которому надо следовать. Так блюсти воинскую честь, как это делал и делает капитан Синявин, — было и думой, и стремлением молодого офицера.

И вот теперь Петра не стало. Четверо взятых в работы бежали. Петр пытался их задержать и получил пулю в грудь из отнятого у солдата ружья. Убийцы были схвачены и стояли на вершине холма, к ним и поднимался капитан. Во-

век бы не сыскать беглых в диких лесах, но один из рекрутов — Тихон Корявый, зла скопивший вдвое против своего вершкового роста, то ли от невоздержанности матерного языка, то ли от досады, что сам не оказался с беглецами, проболтался, что зачинщик — Кирилл, по прозвищу Шалый, стрелявший в Петра, подбивал как-то некоторых поселиться у Лиственного. Не соврал — здесь и нашли душегубов. Те хотели уйти через холм к реке, там у них стоял плот, но на вершине их уже ждали.

Все четверо были связаны по рукам, а двоих, что помоложе — коренастых, упрямых братьев Лукиных, еще и привязали друг к другу. Еще один, годами старший по обличью, высокий, с большой худобой, стоял позади братьев. Последний же, светловолосый, сложения с виду почти хрупкого, сидел на земле, на взгорышке, чуть поодаль. Все беглецы разом посмотрели на подошедшего офицера, трое тут же опять уперлись глазами в землю, высокий же суетливо заплясал взглядом около капитана. Николай Федорович, медленно рассмотрев каждого, остановился взглядом на высоком.

— Помилуй, князь! — быстро выдохнул тот, — бес попутал, не губи, прикажи искупить.

— О бесе раньше бы помнить надо, — тихий, тяжелый голос Николая Федоровича словно придавил высокого: тот сжался, почти скрывшись за спинами Лукиных.

— Ты, что ли, Кирилл, прозванный Шалым? — капитан не повернулся к сидящему на земле, но тот понял.

— Я, — тихо ответил он, не поднимая глаз.

— За что псову кличку дали? Всю жизнь, что ли, шалишь?

Светловолосый молчал.

— А ты встань, вор, когда с тобой разговаривают... Не ленись, мне на тебя ближе надо посмотреть.

Светловолосый, неловко опершись о землю связанными руками, рывком поднялся.

— Так зачем, тать, убег от государевой работы и других подбил?

— По то и убег, что на государя работать не хочу, — тихо, но внятно ответил Шалый.

— Хорош, однако. Другие государеву службу за честь почитают, сил не жалеют, чтобы послужить царю и Отечеству. А ты что — не такой, как все?

Шалый молчал.

— Ну, отвечай. Или язык отсох от страху-то? А вроде не из пужливых...

— А мне все едино: пужайся, не пужайся — не помилуешь, — голос Шалого дрогнул, напрягся и вдруг зазвенел. — И виниться не буду — не виновен. Потому как служба и царю, и Отечеству придумана, чтобы сильных кормить. И порядок тот несправеден, раз через унижение людское устроен. Не приемлю порядок тот и служить ни царю, ни Отечеству не хочу... — голос светловолосого сорвался, он закашлялся, тяжело, с хрипом.

Николай Федорович шагнул к Шалому, в упор долго смотрел в его распахнутые, отчаянной сини глаза.

— Та-ак. Порядок, говоришь, несправедный. А то, что порядок тот господом нашим устроен и един для всех не только у нас, но хоть и у немцев, хоть и у татар — тебе, может, неведомо? Что божеский это порядок и не человеку судить о нем?

— И бог выдуман, капитан, выдуман, чтобы порядок несправедный оправдать, как ты оправдываешь, — всхрипывая, торопливо заговорил Шалый, словно боясь, что капитан не даст досказать, — выдуман от робости людской, непонимания назначения своего человеческого. Сам себе человек и царь, и бог, а Отечеству ему — мать с отцом да дом родной...

— Молчи, пес! — оборвал Николай Федорович, чувствуя, как вместе с удивлением на странные слова Шалого в душе его поднимается гнев оскорбленной чести. — Я тридцать лет Отечеству — государству российскому служил, кровью своей славу и честь народу русскому добывал, а ты мне порядок свой устанавливаешь, тать! И по тому порядку поганому твоему я червь получается ползучий, так? А ты — выше всех в гордыне своей разбойной? А то, что порядок твой к уничтожению всякого порядка ведет — не ведаешь? Коль законы не писаны да веры нет — так делай, что хочешь, любой разбой твори. Чем твой порядок обернулся, знаешь? Ты сына моего, долг исполнявшего, убил, душегуб, тварь ты ползучая... — и отвернулся, чтобы скрыть подступившую слезу.

В тихой, застенчивой Соне, глаже стекла стелющейся, застыло умиротворенное, подернутое легкой дымкой августовское небо, и благодатный от переполнявшей его спелости лес на противоположном берегу лениво красовался в голубом зеркале воды.

Долго молчал старый капитан, глядя на реку, а затем сказал тихо, будто себе самому:

— А заболтался я что-то с тобой, тать... С чего бы это? Пора и честь знать. Суд свой тебе скажу: страшен поступок твой и богопротивные, нелюдские слова еще более тяготят вину. И посему умрешь ты поганой смертью и капитан будешь так, что ни холма, ни кола на том месте не останется.

Капитан выпрямился и, подняв еще более засуровевшее, неподвижное лицо, коротко бросил ближнему солдату:

— Семенов, развяжи этих троих, — и, подождав, пока Семенов выполнит приказ, ровно выговорил, внимательно глядя на высокого и братьев, — ну что, воры, искупайте вину свою. Веревка высвободилась, вот и повесьте атамана вашего на ближней сосне.

Высокий затравленно дернулся, сжался, но, подталкиваемый тяжелым капитанским взглядом, с веревкой в руках подошел к сосне. Братья стояли недвижимо.

— Ну! Что стали?! Аль глухие?

Старший поднял голову, сказал спокойно:

— А хоть и нас на ту сосну, офицер, только на товарища руку не подыдем.

Чуть заметная усмешка тронула капитанские губы.

— Так, значит... Что ж... хвалю. Тогда землю роите, если не желаете, чтобы атамана вашего воронье склевало. Семенов, Горбун — помогите согласному, а то у него что-то руки трясутся, поди и веревки не завяжет.

Длинный упал на колени, завыл:

— Избавь, господин офицер, бога ради — избавь. Сил нету...

— А ты найди силы-то, — равнодушно бросил Николай Федорович. — А то запороть велю.

И отвернулся брезгливо. Подошел к Шалому, посмотрел в глаза.

— Ну вот, кончена наша беседа. Или еще скажешь что?

Молчал Кирилл Шалый, человек неведомого рода-племени, странных речей и неистового огня в ослепительно синих глазах. Молчал, глядя мимо судьи своего, не слыша слов его, подавленный тоской и страшным величием последней минуты своей.

Мирным августовским вечером старый капитан Николай Федорович Синявин тяжело

спускался по склону покатога травянистого холма. Болели старые раны, болело сердце, помня потерю сына. И ко всему этому добавилось еще какое-то странное беспокойство, почти страх, и чувствовал Николай Федорович, что не будет ему от этого страха спасенья.

Дмитрий молча курил. На экране телевизора гремели взрывы, горели дома, бронетранспортерами давили людей — передавали новости.

— Хорошо, однако, мы устроились, — как бы себе проговорил Дмитрий, — пиво кушаем, мило разговариваем... Тишь да благодать. А где-то вон что делается.

— Ну, относительно того, что у вас тишь да благодать — не сказал бы, — я решил, что пора заговорить о том, ради чего сюда добирался. — Знаешь, какие рассказы ходят про Кириллов Берег в округе? Каких только нет: и что нелюдимы вы, и что с нечистой силой знаете, и что в ваших краях человек запросто пропасть может...

— И что зовут нас чухонцами, каторжниками, ведьмаками, — засмеялся Дмитрий, всем телом повернувшись ко мне. Глаза его блеснули знакомой лукавиной, и я прочёл в них, что он ожидал этого разговора. — Раз так зовут — ну, значит, так тому и быть.

— И чем же вы заслужили такие присказки?

— Зачем присказки? Мы такие и есть. Нелюдимы — это точно: в посёлке даже половина фамилий на эту тему: Незговоровы, Нелюдимовы, Молчуновы, Дикаревы... И про каторжников верно — многие у нас в своём роду каторжников помнят. Да и нынешних немало, что каторгу, зону, значит, повидали. И про нечистую силу не врут — знаем. Сила эта, что нечистой зовут, она везде есть, только не везде её замечают. Или гонят её. А мы с ней дружно живём. Она, эта нечистая, и помогает нам частенько.

Дмитрий замолчал, зажгёт новую сигарету.

— А как люди здесь селились? Слышал, что в Кириллов Берег не каждого поселят.

— Да, не каждого, — подтвердил Дмитрий. — Впрочем, давай я тебе про своё поселение расскажу, тогда и поймёшь.

Дмитрий долил в кружки, откинулся на спинку кресла и, прихлёбывая, повёл рассказ своим неторопливым глуховатым голосом, иногда, впрочем, оживляясь и начиная говорить громко,

напористо — словно доказывал мне. Но быстро успокаивался.

— Вырос я не так далеко отсюда. И про Кириллов Берег ещё с детства слышал, поминали в нашем городке порой чудную деревеньку. Ну, а первый шаг к здешнему поселению я, пожалуй, в армии сделал. Довелось мне и с сумой, и с тюрьмой побрататься, но армия — не слаще. Что тюрьма, что армия — едино. Э-э, да что там говорить, в армии люди и ходят-то не так, как обычно, как природой дано. Я понимаю — надо там чего-то защищать. Но не понимаю — зачем для этого из солдата надо делать дрессированную обезьяну?

Речь Дмитрия текла свободно, почти без остановок, чувствовалось, что говорит о не раз передуманном.

— В общем, на пару месяцев меня хватило, а потом я заявление командиру: прошу уволить, так как глубоко противен мне армейский порядок, и если ещё послужу, то попросту сбегу, да и всё. Физиономия у него, конечно, была ещё та, когда он это прочитал... Я, знаешь ли, по простоте душевной и в самом деле верил, что меня помурыжат да и выгонят из армии. Мурыжили долго, тут я не ошибся. Только вот вместо дома родного попал я в другой дом. Признали, что я тронулся малость. Про психушку особо нечего рассказывать: бить не били, в меру морозили, в меру голодом морили. Впрочем, я тогда и не особо восприимчив был к тому, что вокруг, — состояние накатило совершенно тупиковое, жизнь казалась ночью беспросветной... Короче, влез я в петлю. Из петли меня успели вынуть, а где-то через пару недель выписали потихоньку и на свободу отпустили — план на самоубийц им, видимо, не спускали. Приехал я домой, пытался как-то жизнь устроить: работать чтобы, специальность получить, об учёбе подумывал... Но как-то всё вперекосьяк шло. Может, из-за того, что с начальством постоянно не ладил, не знаю... А потом и с тюрьмой познакомился. История довольно глупая. Грузчиком в магазин устроился, ну а коллеги ушлые попались: тушёнку загнали, а меня — новенького, особняком державшегося — подставили. На год загремел. Вышел — долго нигде толком осесть не мог, мотался из края в край. Куда вербуют, в паспорт не особо глядя, — я туда: на тюменскую нефтянку, якутские прииски, камчатскую путину... Пил порой крепко, за-

поями, один раз чуть не сгорел в бараке по пьянке. В те годы и укрепились во мне чувство, поначалу непонятное, но неотрывное, как собственная тень. Внешне это выражалось просто — людей сторонился. Порой за целый день ни слова не произносил. Нет-нет, ни ненависти, ни там презрения к людям у меня не было. Просто, знаешь, смотришь на жизнь будто со стороны, как в телевизор. Когда женился — думал, все повернётся. Но нет, через год опять в свою колею вошёл. Жене пытка: то ли больной я, то ли что таю, что молчу сутками. Я ей пытался, как мог, объяснить, да напрасно...

О злключениях своих говорил Дмитрий спокойно, бесстрастно перечисляя выпавшие на его долю беды, каждая из которых одна бы составила другому человеку повесть на всю жизнь, без конца в подробностях вспоминаемую. Но, видно, затеял Дмитрий свой рассказ не для того, чтобы посмаковать пережитое.

— Не знаю, до сих пор бы, наверное, в той колее сидел, — продолжил Дмитрий, — если бы не попал в Кириллов Берег. Случилось это десять лет назад. Приехал я в тот год в родной Глебовенск мать навестить. Приехал с семьёй, Ленке тогда полтора года было. А жили мы далековато отсюда, под Пензой. С женой, надо сказать, отношения мои уже на пределе были — вот-вот всё рухнет. Надоели ей мои заморочки. И вот как-то услышал я от глебовенских мужиков про чудеса Кириллова Берега. И знаешь, даже сердце ёкнуло — настолько родное послышалось во всей этой дьявольщине. И в детстве услышанное сразу вспомнилось. Потянуло меня самому взглянуть — проверить, послушать. Жена говорит: да езжай хоть куда. Поехал. Добрался до Берега. Пришёл с той стороны, что и ты, ну и на холм, к памятнику поднялся. Не скажу, что памятник меня поразил — нет. Просто я ждал что-то подобное. Но когда я спускался с холма, то был почти уверен, что поселюсь в Кирилловом Береге. Пришёл в поселковый совет, он здесь атамановым домом зовётся. Дом большой, а в нём из власти всего один человек сидел — грузный такой мужик, седой весь. Перед ним посетитель. Я прислушался — оказалось, дело сродни моему, человек тот поселиться хочет, помощи просит. Шустрый такой мужичонка, слова горохом сыплются. Что-то про маслобойню новую частил, наладить обещал. Седой выслушал, закурил и

говорит, глядя в окно: «Стройматериалов у нас нет, денег в кассе тоже нет, да и совет земли не даст». И молчит. Мужичонка насупился, потом ругнулся: мать, мол, вашу перетак, выгоды своей не понимаете — ушёл. Седой на меня глянул: «Чего тебе?» — «Да думаю поселиться тут», — отвечаю. «Ну, рассказывай», — говорит Седой. Я стал рассказывать о себе — без утайки. Он слушал внимательно и вдруг прервал, не дав досказать: «Стройматериалы у нас есть, денег мы тебе для начала дадим, место выбирай сам». Я, по правде, растерялся — неожиданно всё же. Седой: «Что — передумал?» Я чуток раскинул мозгами и отрубил: «Селюсь!» Седой тогда выдвинул ящик стола, достал пачку денег: «Бери и поезжай, устраивай свои дела». Я опять растерялся: «Где расписаться в получении?» Он посмотрел, рассмеялся: «Потом распишешься, когда дом построишь». Я взял деньги, пошёл, но от порога всё же спросил: «А чего же тому, который передо мной был, отказали?» Седой ответил сразу и просто: «Говорит много, и глаза у него бегают». Так и закончилась моя первая встреча с кирилловобережским «атаманом» — ни документов не спросил, ни даже фамилии...

По ожившему голосу Дмитрия и появившейся вместе с тем улыбке на лице можно было заключить, что воспоминание об этом событии доставляет ему истинное удовольствие.

— Прибыл я в Глебовенск, говорю жене: так и так, мол, давай будем жить в Кирилловом Береге. Она, как сейчас помню: «Ты что, Незговоров, упал?! Да лучше сразу в петлю!» Я ей объясняю, что там у нас совсем иная жизнь будет. А она: «Жизнь везде одинаковая. Человеческая жизнь. Только одни в ней живут по-человечески, а другие выкобениваются, строя из себя невесть что». Не поехала она со мной...

Это воспоминание, напротив, было не из приятных, и Дмитрий быстро переключился на главное.

— Ты спросишь: чем же особенен Кириллов Берег? Ответ будет простой: свободой. Десять лет я здесь живу, и за всё это время никто ни разу не спросил у меня никаких документов, ни разу не подписал я ни одной бумаги, никто никогда не указывал мне, как жить и что делать. В занятиях своих я волен — могу и побоку пустить общинное хозяйство, если найду другой способ кормить семью, скажем, в окрестных местах де-

ло заведу. Никто мне тогда и слова упрёка не скажет. Закон жизни здесь свой и опирается не на внешние установки, правами и обязанностями зовущиеся, а на внутреннюю потребность каждого, здесь живущего, жить честно, по справедливости. Если ты скажешь, что такой потребности не существует, что это блажь, вымысел, а живёт человек, сообразуясь со своей выгодой и законами, эту выгоду регулирующими, необходимыми, так как в противном случае каждый потянет на себя, а значит, к хаосу; если ты так скажешь, то у меня, пожалуй, не найдётся возражений — кроме одного. Возражение это — Кириллов Берег. Никто и никогда здесь, на нашей территории, не подчинялся ни одному из существующих в стране законов, никто и никогда не издал ни одного предписания...

— Дмитрий, — не выдержал я, — так что же у вас получается: государство в государстве? И власти терпят? Странно...

— Видишь ли, — чуть помолчав, ответил Дмитрий, — так повелось, что селились здесь люди, как говорится, не от мира сего. Прочие, скажем так — нормальные, не приживались. Вот и сложилось своё, как ты называешь, государство. Только живёт оно по законам неписаным, необъявленным. А власти, конечно, не терпят: и выселяли, и в тюрьмы сажали, и сжигали посёлок в былые годы. Люди по лесам скрывались — есть у нас места обжитые, потайные, — потом снова здесь отстраивались. Место для жизни хоть и очень пригодное, но глухое — это Кириллов Берег и спасало. Однако времена изменились, свободы для человека в стране больше стало, власти от нас вроде отпустились. Главное, конечно, дети, что здесь родились, растут. Надо, чтобы они выучились, мир посмотрели — не сидеть же им здесь монахами. Сложности с этим есть: регистрация, паспорта, трудовые книжки, военный призыв... Но находим пути. Всех выучиваем, в столицы отправляем, стипендии студентам платим. И что примечательно: многие, отучившись или пожив в городах, возвращаются в Кириллов Берег, здесь всякие дела затевают. Да и которые не возвращаются сюда — не забывают. Года четыре назад кирилловобережские выпускники политехнического свою фирму в Питере открыли. И дела у них в гору пошли. Так теперь фирма эта изрядно поселковый бюджет пополняет.

— Ну, а община — это что? — в моей голове не

очень укладывалось устройство здешней жизни.

— Как сказать... Кооператив, наверное. Ферму животноводческую держим, мебель кое-какую наводрили мастерам, лес заготавливаем, срубы на продажу. Электростанция у нас своя. Ну и мастерские, кузница вот...

— И что — не бедствуете?

— Были тяжёлые времена. Сейчас жаловаться грех. Пару лет назад у атамана деньгами разными все ящики были забиты, сундук особый пришлось завести...

— А почему были? Неужели ограбили?

— Ну нет — кому грабить! Свои не подумают, а от сторонних нас нечистая сила хранит, — засмеялся Дмитрий. — Деньги наши мы в планы вбухали.

— А это как?!

— Да просто. Молодёжи нашей захотелось на планерах летать. Пришлось потрясти атаманов сундучок.

— Хорошо, экономику вашу я уяснил. А вот, Дмитрий, если не выполнишь ты общинную работу — тогда как?

— Накажут. Но не за то, что производство подвёл, а что слово не сдержал. На суде так и пометят.

— Каком суде?

— Общинном. Атаманов сход зовётся. Тринадцать выбранных человек собираются каждый месяц или по важному случаю и все споры разбирают.

— Много споров?

— Немного, но каждый месяц что-нибудь есть.

— И что — суровы приговоры?

— Три вида: отлучение от дел на какой-то срок; отлучение от Кириллова Берега — это навсегда; и дуэль.

— Какая дуэль?

— Обыкновенная. Стреляются. А что тут особенного — люди ведь очень разные и здесь собрались. И порой их пути ох как тяжело пересекаются. Настолько тяжёлы бывают обиды, что помирить не удаётся, а определить виновного и наказать — не получается. Тогда судьи и дают разрешение на дуэль, Условия оговариваются сразу.

— И часто у вас стреляются?

— Нет. На моей памяти четыре случая.

— Между своими, кириллобережскими?

— Не только. Один раз свой с пришлым.

— Ясно... Значит, дорожник, что прошлым летом здесь убит, на дуэли пулю получил?

— Да, — коротко ответил Дмитрий, без нажима, но настоятельно показав нежелание говорить об этом случае.

Дверь вагончика-бытовки за Поленовым захлопнулась с такой силой, что отскочила назад, жалобным треском отозвавшись на столь грубое обращение.

— Ну что, Славка? — Огницкий, не вставая с раскладушки, внимательно посмотрел на вошедшего.

— Суки! — коротко бросил Поленов, опускаясь на стул, и вся его крепкая, спортивная фигура энергично дёрнулась, подтверждая сказанное.

— Ладно, успокойся, — Огницкий сел, отложил журнал. — Расскажи толком.

— Дубы, понимаешь, Серёга, — ду-бы, рвань дремучая, чушки кириллб..., тьфу, язык сломаешь, выговаривая этот вонючий поселок, — красивое, живое лицо Поленова искрилось всеми красками ярости, какие только мог выдать его могучий темперамент.

— Да не суетись ты, рассказывая, — голос Огницкого стал нетерпеливым.

— Обожди, дай водки.

Огницкий достал из тумбочки бутылку, подал Поленову. Тот откупорил, разлил по стаканам и, не дожидаясь, пока Огницкий возьмёт свой, выпил.

— Так вот, слушай, — чуть успокоившись, начал Поленов. — Пришёл я в их чухонскую контору и всё обрисовал, как есть. Так и так, говорю, не скрываю — наша фирма от изменения проекта хорошо заработает. Но и вы поймите свою выгоду: шоссе теперь рядом с посёлком пройдет, а если по проекту — то двадцать шесть километров по еле живой грунтовке вам до него добираться. А памятник ваш, мол, рушить не будем, перенесём в другое место. И что ты думаешь? Пеньки эти кириллобережские сидят и смотрят на меня, как папуасы на Миклухо-Маклая. Потом старший у них, ну этот, бородатый, говорит: я против. И все за ним: против, против, против... Бараны! И больше ни слова — почему, отчего они против. Тут я уже чувствую — закипаю: да поймите вы, говорю, для вас же стараемся, мужики мои горбы на этой дороге заработали, чтобы в вашей дыре по-человечески жить можно было...

— Да я бы не сказал, что тут дыра, — Огницкий был пока спокоен. — Ты видел, домики какие у них стоят — игрушки.

— Ну, пусть не дыра, но тмутаракань же, медвежий угол. Староверы, что ли, они тут все?

— Так что дальше?

— Что, что... Они мне сказали: тебе, мол, не понять. И ушли. Всё.

— Зря ты, однако, меня не дождался, один пошёл, — в голосе Огницкого проглянуло раздражение. — Вдвоём бы, может, уломали. А то ты там сразу горячку пороть начал — они и шарахнулись.

— Не помогло бы, Серёга, поверь. Я всё делал аккуратно, дипломатично. В конце сорвался, но тогда уже ясно было — меня не слушают. Полное отрицание всего, что я ни скажу. Стена, понимаешь, — стена. Из бараньих лбов.

— Деньги предлагал?

— Конечно. Так и сказал: десять миллионов хоть завтра перечислим, куда скажете. Можем и наличными. Понимаем, говорю, что посёлок тоже несёт затраты, так сказать, морального характера. Предлагаю им эти миллионы и вижу — бородатый ухмыляется, купить, мол, собираешься — так, я понял, он думал. Хотя чего непонятого — обыкновенный договор, бери эти миллионы и делай с ними, что хочешь: хоть ещё один памятник своему идолу ставь, хоть ещё один аэродром строй, — дремота эта вроде планеры имеет, воздухоплаватели занюханые...

— Может, мало предложил?

— Нет, Серёга. Я почувствовал: отдай мы им хоть всю прибыль — пустой номер. Случай безнадежный. Это же фанатизм какой-то, идолопоклонство.

— Да-а... — Огницкий мусолил сигарету. — А может, мы всё же что-то не понимаем в их жизни, а, Славка? Другой уклад, другая психология.

— Какой уклад! Какая психология! Сережа, что ты говоришь! Есть одна-единственная психология — человеческая. И руководствуется она здравым смыслом. И это — нормально. А в данном конкретном случае здравый смысл однозначно за то, чтобы принять наше изменение проекта строительства дороги, поскольку это несёт посёлку — всему посёлку! — совершенную выгоду, — слова Поленова падали чётко, выверенно, и энергичным движением правой руки со сжатыми в кружок главным и указательным пальцами

он как бы отмечал каждое слово. — Ну надо, надо срыть этот холм, негде больше в том месте провести дорогу. И у меня не укладывается в голове, хоть ты режь меня, как это нельзя пожертвовать этим глиняным бугром ради тех очевиднейших выгод, которые даёт наша дорога. Разве это не варварство?

Помолчали. Июльское солнце стояло уже в зените. Тишину знойного летнего дня нарушали лишь оводы, с монотонным воем толпившиеся около закрытого сеткой распахнутого окна вагончика.

— Так что делать будем, старшой? — нарушил молчание Огницкий.

— Вот именно — делать надо, — Поленов встал. — Чего менжеваться, Серёга? Все права на нашей стороне: изменения согласованы, бумаги собраны, печати стоят. Значит, вперёд. Нянчимся мы с этими чалдонами. Я сказал бульдозеристам, чтобы начинали.

— Смотри, Славка, народ тут, говорят, крутой...

— Да ладно, не пугай. Пуганый. Только чего наши не начинают, не слышно.

— Вон Захариков идёт, скажет, — Огницкий тоже встал. — Уж не случилось ли там чего...

Вошёл Захариков — угрюмый, угловатый мужик, бригадир бульдозеристов. Искося взглянул на початую бутылку водки и встал у входа, ни слова не говоря, опершись на дверной косяк и рассматривая носок своего кирзового сапога.

— Ну, чего не начинаете? — резко спросил Поленов.

— Да так, — Захариков оставил сапог и занялся разглядыванием грязных ногтей на правой руке. — В общем, Степаныч, мы решили на ихний холм не ездить.

— И что так? — с железом в голосе шагнул к нему Поленов.

— А жить охота. Про здешний народ всякие слухи ходят.

Поленов некоторое время стоял, сжавшись, не давая себе сорваться. Совладав, бросил коротко: «Ладно, сидите тут... дипломаты». И вышел так стремительно, что Огницкий не успел и слова сказать вслед. Пока шёл, почти бежал до бульдозера — Поленов уже решил, что будет делать. Решение вошло в него, как гвоздь в сухое, плотное дерево: «Срою, к чёртовой матери, этого идола!»

Мощный бульдозер, как большой грязно-жёлтый жук, медленно полез вверх по холму, приб-

лижаясь к журавлю на вершине. Поленов прикинул: если упереться снизу ножом во вросшее в землю крыло и резко подать — всё сооружение должно опрокинуться в сторону реки. Колебаний уже не было: слишком много сил и души вложено в этот кусок дороги, чтобы позволить себе сомневаться. Три месяца он, как генеральный директор фирмы, мотался по большим и малым кабинетам, утверждая изменение проекта, пробивая необходимые исследования. И теперь, когда удача в руках, всё должно сорваться из-за этих нескольких брёвен, которые, оказываясь, должны торчать из земли именно на этом бугре?

Идея проложить дорогу около Кириллова Берега, по отличному от плана направлению, принадлежала Сергею Огницкому, компаньону Поленова и технического руководителю строительства. Протопав десятки километров по здешним лесам, Огницкий пришёл к выводу, что можно значительно сократить протяжённость того куска новой областной дороги, подряд на строительство которого взяла их фирма, если пустить дорогу по восточному берегу Лиственного. Грунт и рельеф здесь были идеальными для строительства дороги, а исток Сони представлялся отличным местом для строительства моста. Дорога при этом не задевала посёлок, проходя в трёхстах метрах от мастерских, а ближайший жилой дом был почти в километре от предполагаемой трассы. Единственное — вершину холма, где стояло это непонятное сооружение, надо было убрать, чтобы добиться допустимого перепада высот. А огибать холм — возникали затраты, которые сводили на нет эффективность предложения Огницкого. Впрочем, ни у Огницкого, ни тем более у Поленова и мысли не мелькнуло, что из-за этого холма могут возникнуть большие проблемы.

Человек вырос перед бульдозером, когда до памятника оставалось не более трёх шагов. Поленов остановил машину, взгляделся в неожиданного противника. Был тот лет шестидесяти, сед, худ, бородат, одет наспех, тяжело дышал — видно, торопился, догоняя бульдозер.

— Отойди, батя! — крикнул Поленов, газанув для острастки.

Человек не двигался.

— Слышишь, припадочный, отойди от машины, задавлю ведь, — и Поленов длинно, зло выругался.

Человек не ответил, всё так же недвижимый.

— Ах, ты... — выплюнув ещё порцию ругани, Поленов, стиснув зубы, потихоньку тронул бульдозер и стал теснить человека, подняв нож на уровень живота. Шаг, ещё полшага, всё — человек прижался к дереву, нож бульдозера застыл в мизинце от его тела.

— Последний раз говорю: уйди, не доводи до греха, — прохрипел Поленов, не чувствуя пота, внезапно залившего глаза.

Лицо его противника исказилось яростью и страхом, но он остался стоять.

— А-а, гад... — выдохнул Поленов и дал задний ход. Отъехав чуть, остановил бульдозер, выскочил из кабины и бросился к врагу. Тот стоял, словно прибитый к журавлиному крылу. Поленов с ходу ударил его в пах, человек, коротко всхрипнув, согнулся, упал. Поленов пнул лежащего и только тогда увидел, что к вершине холма бегут люди. Прыгнул в кабину, бешено развернул бульдозер и, готовый к драке, бросил его навстречу бегущим. Их было около десяти, но никто из них не остановился, все пробежали мимо бульдозера, к человеку, лежащему около памятника.

Напряжение разом покинуло Поленова, он почувствовал, что зверски устал. Отогнал бульдозер. По пути встретил Огницкого. Тот что-то спросил, но Поленов лишь махнул рукой. Прощёл в вагончик, выпил стакан водки и, завалившись на раскладушку, тут же уснул.

Разбудил его голос Огницкого: «Силён ты спать, начальник. Вставай, поешь». Нехотя поднялся. Судя по длинной тени от раскидистой черёмухи, что стояла рядом с вагончиком, давно уже был вечер.

— Пей кофе, только сварил, — Огницкий подвинул ему кружку.

— Спасибо, — Поленов, хлебнув кофе, потянулся за сигаретой. Закурил и сказал в сторону, с усмешкой, — а ведь накрылись наши миллионы, Серега.

— Да ладно, — отмахнулся Огницкий, — я уже понял. Дал команду всем участкам на новом направлении работы прекратить. Не переживай, бывает хуже... Слушай, тут письмо тебе один местный парень принёс. Запечатанное. Говорит, лично в руки.

Поленов вскрыл конверт. На тетрадном листе бумаги крупным, чётким почерком было выве-

дено: «Вы оскорбили моего отца, а значит, и меня. Если Вы имеете понятие о чести, Вы должны либо извиниться перед ним в моём присутствии, либо стреляться со мной. В десять часов вечера к вам придёт мой секундант. Скажите ему своё решение. Если выберете дуэль — стреляться будем сегодня же. Иван Нелюдимов». Не сразу поняв смысл, Поленов прочитал письмо ещё раз.

— Ну, что там? — встревоженно спросил Огницкий, догадавшись по лицу Поленова, что письмо необычного свойства.

— Да вот, почитай сам.

Огницкий прочитал и присвистнул.

— Ну и что друг-товарищ мне делать подсказет? — полушутливо спросил Поленов.

Огницкий помолчал и сказал серьёзно, твёрдо:

— Извиниться надо, Славка.

Поленов хмыкнул, встал, прошёлся по вагончику.

— Нет, Серёжа, не надо мне извиняться. Это им, аристократам болотным, надо передо мной извиниться! — речь Поленова забила на высокой ноте, но в ней не было и тени раздражения. — И дело не в этих ста миллионах, плевал я на них, денег я всегда заработаю. За дело наше обидно. Да и даже не в деле суть. В душу они мне плюнули. Понимаешь, как бы это всё тебе сказать: всё, на чём стоит моя жизнь, — для них пшик. Я для них не то что человек третьего сорта, я для них — вообще нуль. И поэтому я пойду стреляться...

— Ты учти, — перебил Огницкий, — они ведь не на понт берут, я думаю — всерьёз.

— Ну и пусть будет всерьёз. Стрельбы, что ли, боюсь. Мне в Афгане орден не за красивые глаза дали, а за эту самую стрельбу. И что такое пулю получить — не понаслышке знаю, не одну из меня вытащили.

Огницкий не возражал, понимал — бесполезно.

Ровно в десять в дверь постучали. Вошёл худощавый высокий парень лет двадцати пяти. Поздоровался, настороженно встал у порога: руки в карманах наглухо застёгнутой лёгкой куртки, глаза цепко ухватились за Поленова.

— Я от Ивана Нелюдимова. Вы решили?

— Да-с, любезнейший, мы решили, — Поленов притворно зевнул. — Решили стреляться. Но сначала, милейший, не обессудьте ответить на пару вопросов.

— Задавайте, — спокойно ответил посыльный.

— Не получится ли, что на месте дуэли кроме вашего Ивана я найду ещё десять человек с пулемётами?

— Если бы мы захотели отомстить вам таким образом, то не затевали бы спектакль. Вас бы уже застрелили.

— Логично. Но вдруг вам захотелось театральных эффектов... Где гарантии?

— Гарантия — только моё честное слово. На месте дуэли будут Иван, я и вы с вашим секундантом.

— Хорошо, верю, — медленно проговорил Поленов. — А если я убью противника, что потом?

— Не волнуйтесь, дело не пойдёт в милицию. Мы никогда туда не обращаемся.

— Ладно. И теперь верю. А из чего стреляться будем? Пищалей, обрезов?

— Выберете сами.

— Когда?

— Сейчас. Если у вас нет больше вопросов, то прошу следовать за мной. Как я понял, у вас уже есть секундант?

— Да, есть. Ну что, Сергей Петрович, тронем к барьеру, — Поленов деланно хохотнул. Огницкий хмуро молчал.

Посыльный повёл в направлении холма. Шли молча. Поленов пытался насвистывать что-то весёленькое, но весёлость ему плохо удавалась. Огницкий же совершенно ушёл в себя, угрюмо просчитывая варианты и сохраняя надежду, что до стрельбы не дойдёт.

Иван Нелюдимов ждал за холмом у реки. Он оказался совсем ещё молодым, лет двадцати с небольшим, коренастым русоволосым парнем с открытым, круглым лицом. Посыльный предложил Поленову и Огницкому остановиться шагах в десяти от Нелюдимова, сам подошёл к нему, о чём-то вполголоса переговорил. Потом вернулся.

— Иван ещё раз предлагает вам извиниться и закончить дело миром, — стараясь говорить как можно доброжелательней, произнёс он.

Огницкий замер, ожидая ответа Поленова.

— Нет, зачем же, — не спеша, громко проговорил Поленов, — дуэль так дуэль. Даже интересно. Только вот у юноши, похоже, штанишки мокрые, может, сходит, переоденется...

«Ох, балбес, доиграешься», — подумал Огницкий. Видно было, как заходили желваки на лице Нелюдимова.

— Вам предоставляется право выбора оружия, — оборвал Поленова, хотевшего ещё что-то сказать, высокий и показал на дорожную сумку, стоявшую неподалёку.

Там лежали два нагана, два ПМ и патроны. Поленов удивлённо взвёл брови, подумал и взял наган. Отошёл в сторону. После этого Нелюдимов взял второй наган и тоже встал в стороне. Высокий, проследив за действиями дуэлянтов, предложил Огницкому условия дуэли. Противники, разведённые вначале на пятьдесят шагов и стоящие спиной друг к другу, по команде поворачиваются и идут навстречу, не уклоняясь и стреляя, когда посчитают нужным. Каждому даётся по два патрона. Если выстрелы сделаны, а оба живы, то принимается решение о продолжении либо прекращении дуэли.

— Ладно, командуй, — бросил Огницкий высокому. — Я посмотрю.

Высокий пожал плечами, отмерил расстояние, поставил дуэлянтов спиной друг к другу.

«Главное — не убить. Пулю в ногу ему — и достаточно, будет помнить, щенок», — думал Поленов. Напряжённость минуты подействовала на него самым благотворным образом: был он спокоен, собран, уверен в себе. По команде «пошли» Поленов резко повернулся, сделал несколько коротких шагов, замер, задержав дыхание, и выстрелил, целясь в ногу выше колена. Нелюдимов резко согнулся, но тут же выпрямился. «Упрямый, однако», — подумал Поленов, и это была его последняя мысль в земной жизни: багровый шар закатного июльского солнца, приготовившийся опуститься в чашу заозёрного леса, взорвался бешено и осколками его тут же погасли в крошечной тьме.

Через неделю в местной районной газете появилась информация: *«Вечером 19 июля в посёлке Кириллов Берег убит генеральный директор ООО «Дорстрой» В. С. Поленов. Убийца установлен, но ему удалось скрыться. Для поиска убийцы и выяснения всех обстоятельств происшествия создана специальная следственная группа».*

Через раскрытую дверь кузницы из подступившей темноты тянуло мягкой прохладой и густой тишиной позднего августовского вечера. Лишь взлаяла резко и тут же замолкла вдалеке собака да где-то чуть слышались гитарные переборы.

— Гитара, странно, — бес любопытства толкал меня продолжить расспросы. — Естественней было бы здесь колокол слышать — место к тому располагающее. Или храма божьего не имеете в посёлке?

— Не имеем, — мягко улыбнулся Дмитрий. — Поп по миру пойдёт в Кирилловом Береге, стенам проповедуя.

— Ну, Дмитрий... Закон божий — закон нравственный...

— В том-то и дело, что закон. А законы в Кирилловом Береге не жалуют.

— Ладно — не закон. Но не отрицаешь, что христианство на нравственности стоит?

— Стоит ли, лежит ли, — зачем на нравственность обязательно что-то громоздить надо: Христа ли, Магомета ли... А где идол — там и законы, а где законы — там и цепи.

— Значит, доброту, сострадание, братство людское — побоку?

— Братство людское — или блажь, или ложь. Враги в мире никогда не переведутся. Просто и во вражестве своём надо людьми оставаться. А сострадание — ханжество. Чего сострадать — лучше помоги человеку. А если ему нравится страдать? Пусть страдает на здоровье. Доброта — это что такое? Есть честь и справедливость, вложенные в человека природой. Честь — самолюбие, а справедливость — и есть доброта, по-моему.

Помолчали.

— Так, значит, бога нет, Дмитрий? — засмеялся я.

— Есть, — в тон мне ответил Дмитрий. — Целых два: красота и свобода. Вот эти боги дают истинные потрясения и взлёты души необычайные. Но молиться им всё равно не надо. А то ведь с малолетства приучают кланяться. Всё внаклонку да внаклонку — со временем только под ногами и видишь...

Приглушённый молодой смех прервал наш разговор. Я оглянулся: при входе в кузницу стояли, обнявшись, парень и девушка. Разгорячённые лица их сверкали тем особым блеском, что свойствен только молодой безрассудной любви. Парень — невысокий, но коренастый, с серьёзным открытым лицом, — на миг замер на мне изучающим взглядом и уверенно шагнул вперёд:

— Дядь Мить, ты мне инструмент выдай.

— Бери, — засмеялся Дмитрий. — Твой, однако, чего спрашиваешь.

Парень подошёл к шкафу для одежды и достал оттуда гитару.

— Эх, гульнём! Дядь Мить, давай с нами, не пожалеешь.

— Ну, конечно, — сейчас все дела брошу и побегу с вами, салажатами, песни орать, — отшутился Дмитрий, разливая остатки пива. Но когда парень тронулся к выходу, остановил его: — Пстой-ка, Ваня...

Подошёл к парню с девушкой и что-то вполголоса сказал им, очевидно, не предназначавшееся для моих ушей. Потом я услышал смех и беззаботный голос девушки: «Да ладно тебе, дядя Митя, чего бояться-то». Дмитрий ещё чего-то говорил им вслед — уже громко, но я уже не слышал, занятый неожиданным открытием. Ещё как только парень вошёл, мне показалось, что я его уже где-то видел. И теперь понял где — взгляд случайно остановился на фотографии на стене.

— Ну что, тронем до хаты? — голос Дмитрия застал меня на этой догадке.

— Дмитрий, — я постарался придать своему голосу полное безразличие к сказанному, — а что: ведь Иван Нелюдимов обличьем весь в дед, правда?

Вопрос мой повис в предвиденной паузе, но ответ был неожидан — ровен и сух:

— Ты ошибся.

Ты, конечно, прав, — перевёл я для себя эти два

слова, — но это вовсе не значит, что ты вправе говорить об этом. Да, рановато я стал считать себя своим человеком в Кирилловом Береге...

Дмитрий собрался, выключил свет, и мы шагнули в ночную прохладу.

Бесконечный ослепительно звёздный ковёр августовской ночи развернулся взору во всёмогучем великолепии. Сдавило сердце — необъятность звёздного неба часто тяготила меня: так бессмысленны и ничтожны кажутся все порывы и помыслы перед слепой беспредельностью космоса.

— Пустое всё, — невольно вырвалось у меня.

Дмитрий не ответил. Он стоял, запрокинув голову, — песчинка в необъятной звёздной тьме, и в глазах его бился жадный восторг от вечной неразгаданности жизни. Неразгаданности, в которой каждый новый день не похож на другие.

Владимир Евгеньевич ШНЮКОВ

родился в 1953 году в селе Пичуга на Северной Двине

(Архангельская область, Верхнетоемский район).

По образованию журналист,

окончил факультет журналистики

Ленинградского университета.

В «Севере» в 2005 году публиковались миниатюры.

Живёт в Костомукше.

